

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2020

2 (12)

Журнал выходит четыре раза в год

Основан в феврале 2018 года

Москва
ИВ РАН

ISSN 2618-7302

Периодическое издание

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2

Рецензируемый научный журнал Института востоковедения РАН
Учрежден Ученым советом Института востоковедения РАН
Зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации

Главный редактор

Научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН
В. В. Наумкин

Редакционная коллегия

В. П. Андросов	И. Д. Звягельская
А. В. Акимов	Т. А. Карасова
Л. Б. Алаев	Е. А. Катасонова
Ю. Г. Александров	А. И. Кобзев
А. К. Аликберов	В. А. Кузнецов
В. М. Алпатов	Ю. В. Любимов
С. Э. Бабкин	Н. М. Мамедова
А. Г. Белова	Д. В. Микульский
В. Я. Белокреницкий	Д. В. Мосяков
С. А. Бурлак	В. Н. Настич
Е. Ю. Ванина	К. В. Орлова
Д. Д. Васильев	С. А. Панарин
А. В. Воронцов	Н. И. Пригарина
А. В. Демченко	Н. Г. Романова (<i>зам. гл. редактора</i>)
А. С. Десницкий	А. В. Сарабьев
А. Ю. Другов	В. Н. Саутов
А. С. Железняков	З. М. Шаляпина
А. О. Захаров	Т. А. Шаумян

Редакция

Д. В. Дубровская (*ответственный секретарь*)
С. Е. Малых (*научный редактор*)

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12, комн. 251

Дизайн обложки – С. В. Ветхов; макет и верстка – С. Е. Малых

На обложке: Драконовы деревья — символ острова Сокотра (*фото М. С. Булах*)

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES**

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2020

2 (12)

Published quarterly

Founded in February, 2018

**Moscow
IOS RAS**

Peer-reviewed journal of the Institute of Oriental Studies RAS

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation

Editor-in-Chief

Academic Supervisor of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Vitaly V. Naumkin

Editorial Board

V. P. Androsov	N. M. Mamedova
A. V. Akimov	D. V. Mikulskiy
L. B. Alaev	D. V. Mosyakov
Y. G. Aleksandrov	V. N. Nastich
A. K. Alikberov	K. V. Orlova
V. M. Alpatov	S. A. Panarin
S. E. Babkin	N. I. Prigarina
V. Y. Belokrenitsky	N. G. Romanova (<i>deputy ed.-in-chief</i>)
A. G. Belova	A. V. Sarabyev
S. A. Burlak	V. N. Sautov
A. V. Demchenko	Z. M. Shalyapina
A. S. Desnitskiy	T. L. Shaumyan
A. Y. Drugov	E. Y. Vanina
T. A. Karasova	D. D. Vasilyev
E. L. Katasonova	A. V. Vorontsov
A. I. Kobzev	A. O. Zakharov
V. A. Kuznetsov	A. S. Zheleznyakov
Y. V. Lyubimov	I. D. Zvyagelskaya

Editorial Group

Dinara V. Dubrovskaya (*Executive Editor*)
Svetlana E. Malykh (*Scholarly Editor*)

Вестник Института востоковедения РАН. № 2 (12). — М.: ИВ РАН, 2020. — 374 с.

ISSN 2618-7302

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН,
редколлегии и редакции журнала.

Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых
авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
bld. 12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031, room 251

© ФГБУН ИВ РАН, 2020

© Редакция журнала «Вестник Института
востоковедения РАН» (составитель), 2020

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 11

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

К ЮБИЛЕЮ В. В. НАУМКИНА

Белокреницкий В. Я., Романова Н. Г. 75 лет академику РАН Виталию Вячеславовичу Наумкину, главному редактору журнала «Вестник Института востоковедения РАН» 12

Яковлев А. П. Неутомимый Наумкин 15

Алаев А. Б. Всемирная и локальные истории как объекты историософии 17

Аникеева Т. А. Два путешествия и один текст: Е. Э. Картавец и И. А. Бунин в Каире 29

Белокреницкий В. Я. Долина Инда в современную эпоху — от редкого населения к перенаселенности 37

Бабкин С. Э. Антитеррористическая операция «Синай–2018»: некоторые итоги 51

Горбунова Н. М., Иванова И. И. Борьба за шельф Восточного Средиземноморья: итоги и перспективы 64

Дубровская Д. В. Трагедия на краю Великого Шелкового пути: неоднозначные причины и непредвиденные последствия Янчжоуской (760 г.) и Гуанчжоуской резни (879 г.) 80

Матросов В. А., Кривошеева М. В. Между джинн и шайт'ин: недосказанное 96

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

Прусаков Д. Б. Гипотеза о «Земле излияния Рек»: к предыстории 1-го порога в контексте гидрологии среднеголоценового Нила. Часть III 109

Малых С. Е. Египетские рельефные фляги греко-римского времени в Гизе 128

Лебедев М. А. «Гроты», «катакомбы» и «пещеры» у египетских пирамид: свидетельства о скальных гробницах Гизы в работах ранних путешественников (XII–XVIII вв.) 146

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ХОРЕЗМ

Гончаров Е. Ю., Армарчук Е. А. Монеты средневекового Садвара в Южном Хорезме 160

Тимохин Д. М. «Гарих-и Алфи» как источник по истории Хорезма и государства Гуридов 175

Тишин В. В. Рецензия на книгу: Тимохин Д. М. «'Ала' ад-Дин Мухаммад и расцвет хорезмийского государства: 1200–1220 гг.» 187

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ВОСТОКЕ

- Дробышев Ю. П.* Чингисхан о власти (по материалам «Сокровенного сказания монголов») 198
- Курникова О. М.* Город Кефе в письменных свидетельствах путешественников XVI–XVII вв. 209
- Прудников В. В.* Кто отнял у арабов Сицилию? Термины для обозначения социальных общностей у норманнов в хронике Гауфреда Малатерры (конец XI в.) 218
- Сибгатуллина А. Т.* «Черкешенки» турецкой литературы 232

РОССИЯ И ВОСТОК

- Кузьмин С. А.* Баргинское восстание 1928 г. Часть II. Переговоры, прекращение восстания и его последствия 246
- Цвижба А. П.* 1859 год. Ссылка пленных натухайцев в Самарскую губернию 263
- Досовицкая В. В.* Южно-Маньчжурская железнодорожная компания в первой половине XX в. 277
- Анайбан З. В.* Динамика развития этнодемографических процессов в постсоветской Туве 284

ФАЛЕРИСТИКА ВОСТОКА

- Захаров А. О.* Новые награды Китая и Монголии: возврат к средневековью, авторитарный поворот и маргинализация масс (к портрету современной цивилизации) 294

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

- Головачёв В. П.* «Конечно, я все же был “другой”». Памяти китаеведа Георгия Васильевича Мелихова (1930–2019) 313

ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ

- Бочковская А. В.* Балбир Мадхопури. Моя родина — Мадхопур (глава из автобиографии «Обрубленное дерево») 324
- Полхов С. А.* О:та Гю:ити. «Записи о князе Нобунага». Свиток VI (Перевод и комментарии). Часть II 334

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

LINGVAE ORIENTALES

- Васильева А. А.* Английский язык в Пакистане как vis-a-vis урду 347
- Рудницкая Е. А.* Наречия, обозначающие промежуток времени, в эвенкийском языке 358

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКИ КОНФЕРЕНЦИЙ

- Болдырев А. В., Ульченко Н. Ю.* Современные тенденции политического и экономического развития Турции 370

CONTENTS

Editorial	11
-----------	----

HISTORICAL AND POLITICAL STUDIES TO THE ANNIVERSARY OF V. V. NAUMKIN

<i>Belokrenitsky V. Y., Romanova N. G.</i> 75 th Anniversary of Academician Vitaly V. Naumkin, Editor in Chief of the Journal of the Institute of Oriental Studies RAS	12
<i>Yakovlev A. I.</i> Naumkin the Indefatigable	15
<i>Alaev L. B.</i> World History and Local Histories as Objects of Historiosophy	17
<i>Anikeeva T. A.</i> Two Journeys and One Text: Evgeny E. Kartavtsev and Ivan A. Bunin in Cairo	29
<i>Belokrenitsky V. Y.</i> Indus River Valley in Modern Times — From Sparsely Inhabited to Overpopulated	37
<i>Babkin S. E.</i> Anti-Terrorist Operation “Sinai-2018”: Some Results	51
<i>Gorbunova N. M., Ivanova I. I.</i> Rivalry over the Gas Deposits in the Eastern Mediterranean: Results and Prospects	64
<i>Dubrovskaya D. V.</i> The Tragedy on the Edge of the Great Silk Road: Mixed Causes and Unforeseen Consequences of the Yangzhou (760) and Guangzhou Massacre (879)	80
<i>Matrosov V. A., Krivosheeva M. V.</i> The Unsaid: Between the Djinn and the Shayātīn	96

HISTORICAL STUDIES AND ARCHAEOLOGY ANCIENT EGYPT

<i>Proussakov D. B.</i> Hypothesis of the “Land of Outpouring of the River”: On Prehistory of the First Cataract in the Context of Hydrology of the Mid-Holocene Nile. Part III	109
<i>Malykh S. E.</i> Egyptian Relief Flasks of Graeco-Roman Times in Giza Necropolis	128
<i>Lebedev M. A.</i> “Grottos”, “Catacombs”, and “Caves”: Data on Giza Rock-Cut Tombs in Works of Early Travelers (12 th –18 th Centuries)	146

MEDIEVAL KHWARAZM

<i>Goncharov E. Yu., Armarchuk E. A.</i> Coins from Medieval Sadvar in Southern Khwarazm	160
<i>Timokhin D. M.</i> Tarikh-i Alfi As a Source for the History of Khwarazm and the State of Ghurids	175
<i>Tishin V. V.</i> Book Review: Dmitry M. Timokhin. ‘Ala’ al-Din Muhammad and the Rise of the Khwarazm State: 1200–1220 A.D.	187

HISTORY OF THE EAST IN LITERARY SOURCES	
<i>Drobyshev Yu. I.</i> Genghis Khan on Power (Based on The Secret History of the Mongols)	198
<i>Kurnikova O. M.</i> The City of Kefe in Travelers' Notes (XVI–XVII Centuries)	209
<i>Prudnikov V. V.</i> Who Took Sicily from the Arabs? Norman Terms, Denoting Social Communities, in the Chronicle of Gottfried Malaterra (Late 11 th Century)	218
<i>Sibgatullina A. T.</i> “Circassian Girls” of Turkish Literature	232
RUSSIA AND ORIENT	
<i>Kuzmin S. L.</i> The Rebellion of 1928 in Barga. Part II: Negotiations, Finale, and Aftermath	246
<i>Tsvizhba L. I.</i> The 1859 Exile of Natukhay Prisoners to the Samara Province	263
<i>Dosovitskaia V. V.</i> South Manchurian Railway Company in the First Half of the 20 th Century	277
<i>Anayban Z. V.</i> The dynamics of Ethno-Demographic Processes Development in Post-Soviet Tuva	284
PHALERISTICA ORIENTALIA	
<i>Zakharov A. O.</i> New Orders and Decoration of China and Mongolia: New Middle Ages, Authoritarian Turn and Mass Marginalization: A Sketch of Modern Civilization	294
FROM THE HISTORY OF RUSSIAN ORIENTAL STUDIES	
<i>Golovachev V. Ts.</i> “Of Course, I Still Was ‘Different’”. To the Memory of Sinologist Georgy V. Melikhov (1930–2019)	313
TRANSLATIONS AND COMMENTARIES	
<i>Bochkovskaya A. V.</i> Balbir Madhopuri. Merī janmbhūmi — mādhopur (Chapter from Chāngiā rukh / Against the Night)	324
<i>Polkbov S. A.</i> Ōta Gyūichi. “Shinchō-kō ki”. Book VI (Commented Russian Translation). Part II	334
PHILOLOGICAL STUDIES	
LINGVAE ORIENTALES	
<i>Vasilyeva L. A.</i> The English Language in Pakistan as vis-a-vis of Urdu	347
<i>Rudnitskaya E. L.</i> Adverbs Denoting a Time Period in Evenki	358
ACADEMIC EVENTS	
CHRONICLES OF CONFERENCES	
<i>Boldyrev A. V., Ulchenko N. Yu.</i> Current Trends in Political and Economic Development of Turkey	370

ВСЕМИРНАЯ И ЛОКАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ КАК ОБЪЕКТЫ ИСТОРИОСОФИИ

© 2020

Л. Б. Алаев*

Автор предлагает рассматривать историю отдельной страны (популяции, цивилизации) и историю человечества в целом как две различные исследовательские задачи со своими методами изучения. Отдельные субъекты мировой истории имеют собственные пути эволюции и не обязаны преодолевать одинаковые ступени развития. История человечества — слишком сложный процесс, чтобы подчиняться элементарной логике роста какого-то единого показателя, например, уровня экономического развития или смены способов производства. Духовные процессы имеют не меньшее значение для судьбы человечества, чем технологические революции. Особенно важно избавиться от европоцентрического подхода к всемирной истории. Страны и народы не следует представлять как находящиеся на разных ступенях единой эволюционной лестницы, каждая страна переживает свою «древность» и свое «средневековье». Но в то же время просматриваются значимые рубежи всемирной истории: возникновение *Homo sapiens*; приручение огня; возникновение отраслей присваивающего хозяйства (собирательство, рыболовство, охота); позднепалеолитическая «революция», верхнепалеолитическое искусство, возникновение религиозных представлений; «неолитическая революция», производящее хозяйство, оседлость; «железная революция», плужное земледелие, стойловое животноводство, появление массовых армий; духовный прорыв I тыс. до н. э.; возникновение моральных религий и философских систем «Осевого времени» (зороастризм, буддизм, Джайнизм, Конфуцианство, Даосизм, учения пророков в Палестине, античная философия) и Античной цивилизации в целом; научный, эстетический и духовный прорыв Запада в позднее Средневековье (Возрождение, Реформация, Просвещение, географические открытия); появление механического двигателя, период индустриализма; начало периода постиндустриализма.

Ключевые слова: всемирная история, локальные истории, методология исторического исследования, востоковедение.

Для цитирования: Алаев Л. Б. Всемирная и локальные истории как объекты историософии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 17–28. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-17-28

WORLD HISTORY AND LOCAL HISTORIES AS OBJECTS OF HISTORIOSOPHY

Leonid B. Alaeu

* Леонид Борисович АЛАЕВ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; alaeu_leonid@mail.ru

Leonid B. ALAEV, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; alaeu_leonid@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3514-7622

The author proposes that the history of a single country (or its population or civilisation) and the history of mankind as a whole be treated as two different research tasks with their own methods of study. Individual subjects of world history have their own paths of evolution and are not required to go through the same stages of development, and the history of mankind is too complex a process to be tracked by the dynamic of a single indicator, for example, level of economic development or change in modes of production. Spiritual processes are no less important for the fate of mankind than technological revolutions. It is essential, therefore, to get rid of Eurocentric approach to world history, as there is no common evolutionary ladder for all countries and peoples to climb; each country runs through its own Antiquity and its own Middle Ages. But at the same time several meaningful watersheds, common to all of human history, can be discerned. They are: the appearance of Homo sapiens; the taming of fire; the appearance of appropriative economy with its branches (gathering, fishing, hunting); the late-Paleolithic “revolution”, upper-Paleolithic arts, arrival of religious notions; “Neolithic revolution”, productive economy, settled way of life; “Iron revolution”, plough agriculture, stalling livestock, arrival of mass armies; the spiritual breakthrough of the 1st century B.C.; emergence of moral religions and philosophical systems of “the Axis time” (Zoroastrianism, Buddhism, Jainism, Confucianism, Taoism, teachings of the Bible prophets, ancient philosophy) and the Ancient civilisation as a whole; scientific, aesthetic and spiritual breakthrough of the West in the Late Medieval and Early Modern time (Renaissance, Reformation, Enlightenment, geographical discoveries); invention of power-driven motor and the period of industrialism; beginning of the postindustrial period.

Keywords: world history, local history, historical research methodology, Oriental studies.

For citation: Alaev L. B. World History and Local Histories as Objects of Historiosophy. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. 2. Pp. 17–28. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-17-28

Кризис, переживаемый человечеством (впрочем, когда оно не переживало кризис?), многоаспектен. В частности, он выражается в распаде принятых некогда теорий истории, в явной неразберихе мнений о том, как она проходила, и что от нее можно ждать в будущем. Я долгое время пытался привести в порядок свои мысли по этому вопросу, меняя понимание исторического процесса (не потому что меня тянуло к теоретизированию; просто мне хотелось определить место в нем моей любимой Индии. Да и России тоже).

ИСТОРИЯ КАК ЕВРОПЕЙСКАЯ НАУКА

Все существующие (или актуальные сейчас) теории истории европоцентричны, ориентированы на историю Западной Европы [Алаев, 2018а]. Это понятно и объяснимо. Во-первых, то, что мы называем исторической мыслью, возникло в Европе, получило там пространство для цветения, в русле стремления к упорядочению бытия и любознательности, характерного для европейского человека. Во-вторых, история человечества в громадной мере определяется Европой уже в течение лет пятисот. Взросло мировоззрение, что весь мир крутится вокруг Европы.

Христианство, распространившееся в Европе, диктовало представление об изначально заложенном в историю божественном смысле и плане (*Провидение*) и о *конце* истории, когда божественный план исполнится. Линейное понимание времени стало

сакральным. «По кругу человека водит бес, устрояемая Богом “священная история” идет по прямой линии»¹.

Истоки такого понимания истории можно видеть еще в трудах Аврелия Августина (354–430), проповедовавшего неизбежность окончательной победы христианства. Иероним Стридонский (342–419/420) представил свое видение исторического процесса как смену четырех империй — Вавилонской, Персидской, Македонской и Римской, которая — согласно Божьему замыслу — ведет род человеческий ко все большему единству. Когда Римская империя разрушится, наступит светопреставление, а следом — Царство Божие на Земле. Иоахим Флорский (конец XII в.) делил всю историю на три периода, используя концепцию Троицы. Сменяющие друг друга периоды — время Бога-Отца; время Бога-Сына и время Святого Духа — ведут человечество от рабства к свободе. В период Святого Духа людей будет спланивать не страх наказания, как в период Бога-Отца, и не необходимость повиновения, как в период Бога-Сына, а любовь.

Интересно, что эти два идейных комплекса (провиденциализм и эсхатология) позже слились в один и продолжали доминировать в западной исторической мысли и в Новое время, когда она оторвалась от опоры на Библию и даже потеряла связь с религией. Я имею в виду, конечно, прежде всего, Маркса, но отнюдь не только его.

Магическая цифра *три* продолжала царствовать в представлениях об истории и в период Возрождения, хотя и с более реалистичным наполнением. Флавио Бьондо (1392–1463) представлял историю как смену Античности Средним («темным») веком, и затем Новым временем, возрождением идеалов Античности. Исходя из тех же периодов, Ж. Б. Боссюэ (1627–1704) продолжал рассматривать их как осуществление замысла Божьего. Кристоф Келлер (он же Х. Целларнус, 1638–1707) следовал той же схеме: Античность, Средневековье и Новое время. Эти периоды, вполне адекватные действительности, если иметь в виду только Западную Европу, выдвигались как всемирно-исторические вехи. Теория Келлера надолго *заперла* европейскую историческую мысль в рамках европоцентризма.

В Новое время предлагавшиеся схемы стадий стали в большей мере опираться на распространенные в то время представления о хозяйственном развитии. А. Смит (1723–1790), А. Фергюссон (1723–1816), А. Р. Тюрго (1727–1781), С. Е. Десницкий (ок. 1740–1789), А. Барнав (1761–1793), придерживались концепции четырех стадий:

- охотничье-собирательская;
- скотоводческая;
- земледельческая;
- промышленная (или коммерческая) стадии.

Существовали в Европе и другие представления, из которых впоследствии выросли концепции цикличности или цивилизационный подход. Джамбатиста Вико (1668–1744) развивал идеи о ряде обществ, которые развиваются самостоятельно и со временем гибнут. Жан-Жак Руссо (1712–1778) считал, что цивилизации, подобно индивидам, проходят стадии детства, юности, зрелости и старости. Правда, старость, до которой, по его мнению, дошла Европа, все еще довольно бодра.

¹ Цит. по: [Аверинцев, 1975, с. 55]. Краткий обзор европейской исторической мысли в части ее отношения к линейности истории и ее этапности составлен на основе сводных трудов: [Семенов, 1999; Теория и методология истории, 2014; Гринин, 2018].

Но типологический подход не победил. Наиболее подробно до Гегеля и Маркса концепция стадильности, *заточенная* на идее прогресса (постепенное уменьшение эксплуатации работников; постепенное возрастание их свободы; постепенное повышение производительности труда), была представлена в работах К. А. Сен-Симона (1760–1825). Она была в полной мере использована К. Марксом в его концепции смены формаций.

Даже такой принципиальный сторонник фактографии, как Леопольд фон Ранке (1795–1886), не избежал идеологического воздействия господствовавших в середине XIX в. идей о некоей заданности истории, устремлении ее к определенной цели.

Завершителями этого направления мысли стали Г. В. Гегель (1770–1831) и Карл Маркс (1818–1883). Первый видел апофеоз истории в Прусском королевстве и победе Мирового духа, а второй — в победе пролетариата и установлении коммунизма.

Самые новые, уже постмарксистские заявки на всеобщую теорию истории остаются в прежней парадигме трех ступеней. Даже И. Валлерстайн (1930–2019), одно время воспринимавшийся как новатор в сфере всемирной истории, лишь переименовывает три ступени в соответствии с его концепцией *Мир-Системы*. Он выделяет три способа производства и три типа социальных систем:

- 1) реципрокатно-линиджные *мини-системы*, основанные на отношениях взаимобмена;
- 2) редиистрибутивные *мир-империи*;
- 3) *мир-экономики*, основанные на товарно-денежных отношениях.

Этот обзор показывает, что формационная концепция Маркса выросла из контекста европейской историософской мысли — и в ней мало нового — и унаследовала заложенную в ней большую ложь: этапы **западноевропейской истории** подавались как этапы **всемирной истории**. У Маркса этой лжи было меньше, чем у других, поскольку он не собирался распространять свою концепцию на весь мир. Для него истории за пределами Западной Европы просто не существовало. Это уже его ученики стали обнаруживать марксовы формации по всему миру. Можно спорить по поводу того, **что думал** К. Маркс, но давайте не спорить по поводу того, что он **писал**. Он:

- зачислил весь Восток в первобытную стадию (которую называл по-разному, однажды назвал ее *азиатским способом производства*);
- не считал «историческими» восточноевропейские, в частности славянские, народы;
- в том числе русскую крепостную сельскую общину считал первобытной².

В этих обстоятельствах распространять формационную теорию на весь земной шар по меньшей мере невежливо в отношении великого мыслителя.

Надо осознать, что история человечества не может сводиться к формам общества, возникшим сравнительно недавно на небольшом полуострове огромного континента Евразии, чье бытие составляет мизерную часть всеобщей истории. (Имею в виду не только историю прожитую, но и предстоящую).

А есть ведь и иные континенты! Даже если исходить из того, что, начиная с периода античности, Западная Европа служила «передовым отрядом» всего человечества, *центром* цивилизации, а весь остальной мир был его *периферией*, то и в этом

² Эти сюжеты подробно рассмотрены в моих работах [Алаев, 2009, с. 211; 2013, с. 78–96; 2016, с. 21–68; 2018б, с. 162–170; 2019, с. 45–46]. Читателей, интересующихся вопросом о взглядах Маркса на Восток, прошу обращаться к этим сочинениям, ну, и к работам других авторов тоже.

случае нельзя полностью игнорировать «обратное влияние» огромной «периферии» на «центр». Впрочем, концепцию постоянного центра цивилизации и неизбежной периферийности всего остального мира никто и не будет отстаивать, поскольку перемещение «лидерства» (как его ни понимать) в течение веков хорошо изучено и признано.

Логично предположить, что мировую историю *создает* не конкретная популяция или группа обществ, а все населяющие Землю популяции — разными способами и в разном масштабе.

ДОРОГА ЕСТЬ, НО КТО ПО НЕЙ ИДЕТ?

Следует преодолеть глубоко укоренившееся представление, что путь развития (к прогрессу или к Страшному суду — разница в данном случае несущественна) един для всех, и каждый народ по нему движется с некоторыми особенностями и, конечно, с разной скоростью. Воображается некая широкая лестница, на ступенях которой располагаются все народы. Задача теоретика истории (историософа) эту лестницу обнаружить и всем на нее указать (например, утверждать, что ступени означают *способы производства*, или еще что-нибудь, столь же фундаментальное), а историку остается расставить общества (этносы, популяции, цивилизации — наименование выбрать по вкусу) по ступеням, изобретенным историософом.

Если же *практикующий* историк сопротивляется такой примитивизации истории, он объявляется *фактологом*, отрицающим исторические закономерности, пытающимся отбросить науку истории на 300 лет назад. Речь идет просто о том, что процесс движения человечества очень сложен. Этносы поставлены в столь разные условия существования, и их психика настолько разнообразна, что они не могут дружно проходить одни и те же этапы, существующие в качестве социальных моделей у нас в головах.

Об этом не надо забывать, но на этом не следует и останавливаться. Проведя анализ, необходимо приступить к синтезу, т. е. попытаться понять, как эти разные траектории взаимодействуют и пересекаются. Потому что эволюция человечества в целом на протяжении его короткой жизни не подлежит сомнению. Так что дорога есть. Осталось только выяснить, кто же и как по ней идет.

МНОГООБРАЗИЕ СТИМУЛОВ И КРИТЕРИЕВ ДВИЖЕНИЯ

Надо также отказаться от поисков единого, все определяющего фактора, якобы позволяющего выстроить все социумы в колонну по одному, приписать истории *ЛОГИЧНОСТЬ*. Между тем, попытки создать «стройную, логичную, непротиворечивую теорию» продолжаются [Гринин, 1995, с. 10–11; Гринин, Коротаев, 2009, с. 97]. Многие уверены, что при объяснении исторического процесса следует пользоваться элементарной (в смысле формальной) логикой. Нет никаких оснований соглашаться с таким подходом. Сложный поток, в котором струи разных консистенций и цветов переплетаются и создают собственную реальность, которую трудно понять. Но трудности какой-нибудь проблемы никогда не приводили к отказу от ее решения.

Для отечественного обществоведения основным препятствием для понимания сложности жизни является гипертрофированное внимание к экономическому фактору с

умалением значения всех остальных: духовных, идеологических, обобщенно говоря — культурных. Для советского и постсоветского человека кажется непреложным, что «*бытие определяет сознание*». Но что такое *бытие*? Идеи и мировоззрения тоже существуют объективно и составляют наше *бытие*. Материальная сторона жизни, конечно, фундаментальна, но она не существует отдельно от других сторон. Другой фундаментальной истиной является то, что прежде, чем то-то **сделать**, человек должен об этом **подумать**. Надо обстругать человека до желудочно-кишечного тракта, чтобы затем заявить, что он больше ни о чем и не думает, кроме как пожрать. Таким обстругиванием К. Маркс и занимался в своих многочисленных трудах.

Я не вижу никаких оснований придавать экономике более важное значение при характеристике общества, чем, например, свободе обмена мнениями или инициативности большей части населения. Утверждать, что все это зависит от экономики, — удивительное унижение Homo Sapiens. Исходить из того, что машины воспитывают людей — по меньшей мере смешно.

Материалистическое понимание истории страдает существенным недостатком: оно не может объяснить *развитие*, совершенствование, **прогресс** (не настаиваю на этом понятии, вставил его для тех, кто так называет последствия постоянного стремления человека к чему-то новому). Казалось бы, предельно ясно, что камни, а затем железки, а затем чипы (или как там они называются) не могут совершенствоваться самостоятельно. Нужна воля. Человека. Это **он** должен совершенствоваться, чтобы шла история. В том числе и история орудий труда.

КАЖДОМУ СВОЕ, А ВСЕМ – ОБЩЕЕ

Чтобы понять сложность процесса истории, в качестве первого шага нужно разъединить, если хотите, — разорвать периодизацию всемирную и локальную. Фокусирование на одной делает размытой другую. Это проблема масштабов места и времени.

В результате окажется, что:

- «древность» у каждого своя (или ее нет совсем);
- «средневековье» охватывает **разные** века в эволюции разных культур;
- современная эволюция членов Организации Объединенных Наций не сводится к глобализации, модернизации, «развитию капитализма» или распространению постиндустриализма.

Т. е. у каждой нации, или государства, или региона (комплекса политий) есть **своя** история. Каждый идет своим путем, но при этом контактируя с соседями. Образно говоря, толкаясь и проталкиваясь.

Мои предложения близки теории так называемой социально-экономической или культурной эстафеты, но эта теория слишком красива, чтобы служить адекватной метафорой того, что произошло в течение известной (и неизвестной) истории. Общества, перехватывающие эстафету, не просто *возглавляют* процесс, *ведут* иные популяции за собой, но *контактируют* с ними. *Центр, полупериферия, периферия* (по И. Валлерстайну) образуют историческую статику и историческую динамику **совместно!**

Прогресс не сам собой разумеется, он отнюдь не неизбежен, не *естественен*. Его в каждом случае необходимо доказывать (или отказывать в его наличии). Любое

общество стремится к упорядочению, организованности, уравновешенности. Но в одних эта уравновешенность все время нарушается и приходится постоянно заботиться о балансе, тратить на это усилия — и общество формируется как динамичное. А другим удастся установить баланс надолго, он почти не нарушается, не надо все время маневрировать — и получается застойное общество.

Доказать наличие прогресса, конечно, не просто. **Технический прогресс** наиболее нагляден, но и наиболее спорен с точки зрения его благотворности.

(Заметим в скобках, что переименование *идеи прогресса*, а именно *идея регресса*, ничего не меняет, по сути, играет ту же роль в оформлении теории истории).

Духовный прогресс человечества, напротив, не может вызвать возражений как критерий развития, но гораздо более неуловим. Мне кажется, что его тоже можно доказать, но я понимаю, что всегда найдется сколько угодно фактов из современной действительности, иллюстрирующих сохранение дикости и варварства в самых развитых странах.

(В свете эволюции культурной атмосферы в нашей стране в последние годы надо уточнить, что под *духовностью* я не подразумеваю *религиозность*. Эти понятия не совпадают по значению, а иногда противостоят друг другу).

Кажется, что надежным показателем прогресса могло бы служить совершенствование моральных сдерживающих факторов, однако именно этот вектор эволюции вызывает у многих особенно большие сомнения. *Гипотеза техно-гуманитарного баланса*, выдвинутая А. П. Назаретяном (1948–2019), предлагает луч света. Доказательством нравственного прогресса, по Назаретяну, служит уже то, что человечество себя до сих пор не истребило. А это неизбежно случилось бы, если бы совершенствование орудий убийства (несомненное) не сопровождалось бы выработкой и усвоением сдерживающих моральных норм [Социально-исторический прогресс, 1999; Назаретян, 2008].

Действительность последних десятилетий, по-моему, красноречиво доказала, что человечество **идет** (и, следовательно, **шло** с момента своего возникновения) к некоему ранее небывалому состоянию. Оно либо тотально исчезнет в результате ядерной и /или экологической катастрофы, либо принципиально изменит образ жизни.

Прогресс идет через прорывы в новое состояние отдельных народов, к которым присоединяются со временем некоторые другие, а третьи **не присоединяются**. Человечество идет вперед, на каждом этапе оставляя на обочине часть себя.

Где во всей этой мозаике обществ разного уровня место неевропейских стран? Они выбираются из своих тупиков каждая своей дорогой. Вернуться назад, к развилке, и начать — с опозданием на века — преодолевать известную дорогу, пройти по западноевропейскому пути — не получится. Надо идти по бездорожью, ища, конечно, *свой путь*, но при этом желательно было бы осознать, что этот путь не совсем *свой*. Он диктуется не только внутренними потребностями, но и внешним давлением.

Постоянное блуждание между стремлением прийти к общим закономерностям и осознанием того, что ни одна из них не охватывает разнообразные *исключения*, объясняется, возможно, несовпадением антропологического (этнологического) и исторического подходов к изучению процессов и явлений. Антропология исходит из того, что все культуры равноправны и одинаково имеют право на существование. Историк же видит, что не все культуры могут сохраняться в процессе жестокого

исторического отбора. Антропология *дает* всем народам свободу жить по своим представлениям о добре и зле, но *история* предоставляет ее далеко не всем. Да, есть народы и цивилизации, или, если хотите, *пути развития*, бесперспективные, обреченные на исчезновение.

Размышления о едином историческом процессе, о закономерностях истории, о **смысле** истории возможны только при изучении **человечества в целом**, и такого рода подход **не должен** приводить к пониманию эволюции конкретных **частей** этого человечества (стран, этносов, цивилизаций — какую бы единицу мы ни взяли). Эволюции отдельных обществ тоже, конечно, проходят по своим закономерностям, но вскрыть их чрезвычайно трудно, потому что они испытывают многочисленные зигзаги под влиянием внешних воздействий и случайностей.

Мировая история происходит в мировом масштабе, а в ином масштабе, — а именно, в масштабах страны или цивилизации, — происходить **не может**. Она объективна, безлична, ее нельзя представить в виде череды конкретных событий. **Событийная же история** происходит, если можно так выразиться, **рядом** с мировой, в популяциях. Если бы даже мы были в состоянии окинуть единым взглядом **все** человеческие популяции на Земле, то и тогда мы не смогли бы из их анализа вычленить мировой процесс. В каждой из них свои личности, свои обстоятельства, каждая вносит в мировой процесс какую-то частичку, а остальное безжалостно отбрасывается. Опять поясню: это если говорить о мировой истории. А для конкретной популяции все **ее** события и все **ее** люди совсем не отбрасываются, а **живут** — в памяти народа, в особенностях его мышления, в конечно счете — в ее судьбах.

Конкретная история не является *осуществлением* закономерности. «Законы» исторического развития, если они существуют, могут относиться только к **глобальной истории**, о которой можно сказать, что:

- у нее не существует внешнего фактора;
- она неостановима;
- человечество в целом пока не позволяло себе полностью исчезнуть.

Чтобы понять эволюцию человечества, нужно его историю периодизировать. Выдвину мнение, которое может показаться ненаучным. Считается, что любая классификация, в том числе и периодизация, должна подчиняться законам формальной логики: производиться по единому критерию. Я предлагаю при рассмотрении исторического процесса отказаться от такого принципа, считать возможным и более полезным (т. е. более способствующим пониманию процесса и обществ, которые его составляют) пользоваться **разными** критериями или **несколькими** критериями при выделении этапов. Это откровенное нарушение правил и законов логики, но следует исходить из того, что история слишком причудливый процесс, чтобы подчиняться придуманным людьми логическим правилам. Отчасти в пользу моей позиции говорит то, что пока что никому не удавалось выстроить **все** существовавшие в прошлом общества в единую лестницу.

Переломные моменты, точки перехода с этапа на этап, совершенно необязательно связывать с политическими революциями. Я думаю, что одной из серьезных вульгаризаций, которую допустили классики марксизма с самого начала выработки своей теории, стало то, что диалектический закон перехода количества в качество был применен к истории крайне не философски. Количественные изменения

почему-то стали пониматься как изменения только в **экономике**, а качественный скачок — только как изменение **политического** строя.

Между тем, кроме так называемых *буржуазных*, никаких иных революций история просто не знает: ни *«азиатских»*, ни *рабовладельческих*, ни *феодалных*. Сталин пытался и в этом вопросе навести *большевицкий порядок*, выдумав *«революцию рабов и колонов»*, но об этой историографической новации советские историки постарались забыть еще при его жизни. Что касается *пролетарской революции*, то она вообще была введена в теорию вопреки всякой диалектике: согласно кустарной советской *«теории»*, она сначала совершается, и лишь затем “подводит под себя” базис.

Буржуазные революции, в отличие от всех прочих, — это реальность. Но ни одна из них **не начинается** становления капитализма и **не заканчивает** формирование этого строя. По-видимому, определение момента перехода в новое качество — задача гораздо более сложная, чем нахождение некоего политического катаклизма, которому можно было бы приписать роль *диалектического скачка*.

Даже эпохальные события происходят на ограниченной территории. Приобретут ли они глобальное значение, первоначально предугадать совершенно невозможно. Переход от одного состояния к другому нельзя зафиксировать с точностью до века, а тем более года. Специалисты, конечно, понимают, что и принятые сейчас даты окончания Древности (476 г.) и Средневековья (Английская — или любая другая — буржуазная революция) — не более, чем условны. Но *условный* рубеж доминирует в сознании, на него ориентируются при изучении разных стран. Ведь надо же каким-то образом делить историю между школьными уроками и вузовскими курсами, а специалистов-историков — между *секторами* и *центрами* в академических Институтах!

Однако понятно, что подобные соображения не могут находиться в основе исторического мышления. Разные дороги, по которым идут общества, и множество показателей этого движения, которые надо учитывать одновременно — все это определяет значительную *размытость* рубежей эпох. Некая общность может обгонять другие по степени развития культуры, или по развитию государственности. В разные периоды роль *ведущего звена* в историческом процессе может взять на себя политика (государственность), экономика или религия. И мы не должны, оставаясь в плену наших субъективных представлений о том, какому фактору придавать решающее значение, этого не замечать (кстати, очень красноречиво то, что никто не может обогнать другие цивилизации по уровню развитию техники и технологии, уступая им в культурном развитии).

Итак, главное — сбросить все искусственные ограничения, которые мы на себя обычно накладываем при рассмотрении исторической реальности: соображения о само собой разумеющихся этапах, о подчинении исторического процесса неким законам (которые будто бы нам известны), о сравнительной важности и фундаментальности (*базисности*, если снова вспомнить марксистский словарь) тех или иных сторон жизни. Стремиться **наблюдать**, следовать **за извивами** процесса. Осознать, что мы имеем дело с очень сложным, противоречивым, неоднозначным, не прямолинейным процессом.

Изложу мои представления о пройденных человечеством этапах.

Начать надо с появления **уродливой обезьяны**, которая, чтобы выжить, вынуждена была обзаводиться орудиями. Это самый яркий пример того, что локальное явление может иметь глобальное значение. Homo sapiens sapiens появился на

ограниченной территории в Восточной Африке, но затем заселил всю сушу, истребив других полуобезьян и много иных зверей. С этим первым этапом связано освоение **каменной индустрии**. Хочется назвать этот рубеж — по аналогии с последующими этапами инструментальной истории человечества — *палеолитической революцией*.

Следующим шагом мировой истории было освоение и приручение **огня**. По-видимому, против признания этого этапа одним из важнейших никто не будет возражать. Правда, его обычно теоретики истории забывают.

Первый этап человеческой истории антропологи назвали *присваивающим хозяйством* и видят его в трех формах — собирательство, охота, рыболовство. Уже на этом этапе антропологии приходится уходить от концепта **ступеней** развития и теоретически осмысливает **пути**, идущие в разных направлениях.

С точки зрения стадий мировой истории загадкой служит так называемое позднепалеолитическое искусство (35–12–10 тыс. лет назад). Можно ли считать его и связанное с ним появление религиозных представлений **этапом** в человеческом освоении мира, или же это *боковая ветвь* духовной эволюции, окончившаяся тупиком, которых было немало на пути человечества? Широкое его распространение (от Пиренеев до Байкала) указывает на то, что это могло быть явлением общечеловеческого масштаба, и пока неясно, что от него *«осталось»* в культурной копилке человечества, а что было лишь ярким цветком на стволе эволюции.

Признанный рубеж в истории человечества — **неолитическая революция**. Это переход к производящему хозяйству, оседлому образу жизни, формированию сельских общин. Связь этих преобразований с природными условиями (похолоданием и аридизацией) делает их всемирный характер бесспорным.

Следующим технологичным прорывом было изобретение железа и его распространение по ойкумене. Но дело было не только в железе. Рубеж I тысячелетия до н. э. отмечен еще несколькими событиями мирового значения. Это:

- возникновение моральных мировых религий (зороастризма, буддизма, конфуцианства, даосизма, джайнизма, пророческих движений в Иудее и др.), объединенных К. Ясперсом в понятие *Осевое время*;

- как сказано выше, широкое распространение железа;

- возникновение империй как основного типа государственности;

- появление уникальной цивилизации, положившей начало той ветви мировой истории, которая со временем (пока что) стала основной.

Л. С. Васильев называл возникновение античности *социальной мутацией*. Я в ряде своих работ присоединился к такому словоупотреблению³. Нас в данном случае интересует то, что мы видим характерный практический *метод* формирования мировой истории: локальная социальная мутация привела к всемирным переменам.

Духовный переворот *Осевого времени* настолько значим в процессе становления человечества, что его обязательно надо счесть рубежом между двумя периодами истории. Даже те ученые, которые (по традиции) называют *Древностью* весь период от возникновения первых государств до падения Западной Римской империи (476 г.),

³ Нужно только понимать, что *мутацией* в генетике называют *случайный* сбой в генах. Таким образом, термин означает, что мы **не можем** это явление объяснить.

вводят понятия *Ранняя древность* и *Поздняя древность*, осознавая, что в I тыс. до н. э. наступил некий перелом⁴. Однако они не поясняют, какие явления имеют в виду.

Я бы еще хотел добавить, что античность кончилась, по моему мнению (даже условно), не в 476 г., а несколько раньше — с установлением имперской государственности и принятием христианства. Демократия и язычество — вот *габаритные огни* античности. Они были задавлены не позже V века.

Так или иначе, с тех пор меньшая часть человечества пошла по пути совершенствования *права* и развития *личности*, а другая, более многочисленная, нашла свой путь в совершенствовании *государственного* (управленческого) *аппарата* и /или в упрочении своей связи с потусторонним миром.

Следующее событие **мировой истории** — **прорыв Запада**. Продуктивно объединить — в качестве единого рубежа нового этапа — события, протяженные во времени и относящиеся (по нашему нынешнему пониманию) к разным сферам деятельности, такие, как Великие географические открытия (XV–XVIII вв.), Возрождение (XV–XVI вв.), Реформацию (XVI–XVI вв.), Просвещение (XVIII в.), создание мирового рынка (XVI–XVII вв.). Продолжаю настаивать, что прорывы в духовной сфере имеют для мировой истории не меньшее значение (а может быть, и большее), чем факторы технического прогресса. Последние немыслимы без первых.

Следующий рубеж мировой истории — **появление механического двигателя**, т. е. фабрик и заводов, начало индустриального периода. Это еще один пример локального явления, приобретшего глобальный характер.

Экономическая характеристика периода индустриализма ясна: свободный наемный труд, рынок и капитализм. Хорошо знакомы мы и с политическими, и с социальными признаками данного этапа. Упомяну лишь, что соперничество *Запад* — *Восток*, характерное для средневекового этапа и имевшее более или менее равноправный (если хотите — цивилизационный) характер, на этапе индустриализации перерастает в противостояние *Север* — *Юг*, т. е. в дихотомию *развитость* — *отсталость*. История снова пытается выстроиться в струнку.

Что касается перехода к индустриальному обществу, а затем также и к постиндустриальному, то этот процесс мы, можно сказать, наблюдали и наблюдаем воочию. Совершенно неоспоримо, что он произошел на ограниченной территории нескольких стран Западной Европы (Англия, Северная Франция, Нидерланды, Западная Германия, Северная Италия), и затем стал распространяться по миру. Понятно, что **генезис** капитализма в «первичных» странах происходит по иным законам, чем **перенимание** его результатов другими странами.

Период наступления индустриализации ставит перед изучающими историю Востока новые задачи. Происходит ли синтез западного и восточного путей развития? Или же просто подтягивание Западом к себе отсталых стран и обществ? Или мы станем свидетелями *схлопывания* западноевропейского пути под грузом наступающих на *Запад* неисчислимых масс *варваров*?

Схему **мировой истории** можно дать лишь пунктирно, и в этом я не вижу ущербности, поскольку она на самом деле такова. История, конечно, длится беспрерывно, но она *варится* в котле многочисленных переплетенных локальных

⁴ Так построен I том «Всемирной истории», озаглавленный «Древний мир», вышедший в 2011 г.

историй и выступает видимыми нам вершинами лишь в самые переломные моменты. При этом ставит перед нами конкретные задачи по изучению этих локальных историй, которые, конечно, общая теория исторического процесса немного подсвечивает, но которые, в свою очередь, либо встраиваются в тот общий процесс, либо не встраиваются.

Литература / References

- Аверинцев С. С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья. *Античность и Византия*. М., 1975. [Averintsev S.S. The Order of Cosmos and the Order of History in World-outlook of Early Mediaeval Ages. *Antiquity and Byzantine*. Moscow, 1975 (in Russian)].
- Алаев Л. Б. Востоковедение, европоцентризм, ориентализм и цивилизационные ценности. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018а. № 1. С. 30–37 [Alayev L. B. Oriental Studies, Euro-centrism, Orientalism and Civilizational Values. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2018а. 2. Pp. 30–37 (in Russian)].
- Алаев Л. Б. Всеобщая история от Леонида Сергеевича. *Восток*, 2009. № 2. С. 209–220 [Alayev L. B. World History from Leonid Sergeevich. *Vostok (Oriens)*. 2009. 2. Pp. 209–220 (in Russian)].
- Алаев Л. Б. *Историография истории Индии*. М., 2013. [Alayev L.B. *Historiography of Indian History*. Moscow, 2013 (in Russian)].
- Алаев Л. Б. Марксизм и востоковедение. *Восток (Oriens)*. 2018б. № 4. С. 162–170 [Alayev L. B. Marxism and Oriental Studies. *Vostok (Oriens)*. 2018б. 4. Pp. 162–170 (in Russian)].
- Алаев Л. Б. *Проблематика истории Востока*. М., 2019 [Alayev L. B. *Problems of the History of the East*. Moscow, 2019 (in Russian)].
- Алаев Л. Б. *Сельская община: «Роман, вставленный в историю»*. Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М., 2016 [Alayev L. B. *Rural Community: “A Novel Inserted into History”*. The Critical Analysis of Theories of Communities, Historical Evidences of Its Development and Its Role in a Stratified Society. Moscow, 2016 (in Russian)].
- Гринин Л. Е. *От Конфуция до Комта: Становление теории, методологии и философии истории*. М., 2018 [Grinin L. E. *From Confucius to Comte. Formation of Theory, Methodology and Philosophy of History*. Moscow, 2018 (in Russian)].
- Гринин Л. Е. *Философия и социология истории: некоторые закономерности истории человечества*. Ч. I. Волгоград, 1995 [Grinin L. E. *Philosophy and Sociology of History: Some Regularities in History of the Mankind*. Part I. Volgograd, 1995 (in Russian)].
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. *Социальная макроэволюция: Генезис и трансформация Мир-Системы*. М., 2009 [Grinin L.E., Korotayev A. V. *Social Macroevolution: Genesis and transformation of World-System*. Moscow, 2009 (in Russian)].
- Назаретян А. П. *Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии*. М., 2008 [Nazaretyan A. P. *Anthropology of Violence and Culture of Self-Organization: Sketches in Evolutionary-Historical Psychology*. Moscow, 2008 (in Russian)].
- Семенов Ю. И. *Философия истории от истоков до наших дней. Основные проблемы и концепции*. М., 1999 [Semyonov Yu. I. *Philosophy of History from Its Beginnings to Present Days. The Main Problems and Concepts*. Moscow, 1999 (in Russian)].
- Социально-исторический прогресс: мифы и реалии (Материалы дискуссии)*. М., 1999 [Socio-Historical Progress. *Myths and Realities (Proceedings of Discussion)*. Moscow, 1999 (in Russian)].
- Теория и методология истории*. Отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград, 2014 [The Theory and Methodology of History. Ed. by V. V. Alekseev, N. N. Kradin, A. V. Korotayev, L. T. Grinin. Volgograd, 2014 (in Russian)].